

Газета — 2004 — 5 марта — с. 4, 13.

“внутри свободы, если вглядеться в нее, можно найти формы несвободы”

Фазиль Искандер — Газете

Завтра исполняется 75 лет **Фазилю Искандеру** — одному из крупнейших русских писателей второй половины двадцатого века. Накануне юбилея с ним побеседовал корреспондент **Газеты Кирилл Решетников**.

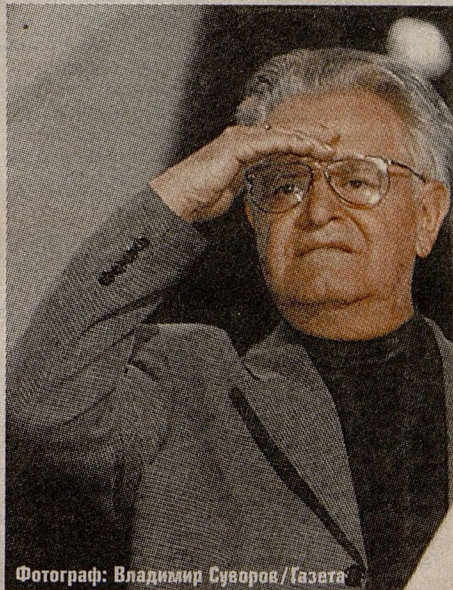
Какие традиции русской литературы оказались для вас наиболее существенными? Кто оказал на вас наибольшее влияние, когда вы начинали?

Наибольшее духовное влияние на меня имел Лев Толстой — и в юности, и позже. Я его до сих пор перечитываю. Для меня это самая крупная фигура в прозе, и не только в русской. Ничего крупнее не было. Но я начинал как поэт, и во время моей поэтической юности самое большое значение для меня имели Маяковский и Пастернак. Я их обожал, я и сейчас их люблю. С Маяковским, конечно, сложно. Он, с одной стороны, хотел служить самому высокому человеческому идеалу, с другой — этот идеал для него оказался разрушен. Я, кстати, думаю, что самоубийство 1930 года все же имеет главным образом политические причины. Но, как бы то ни бы-

ло, это личность грандиозная, и в свое время он повлиял на меня не меньше, чем Пастернак. Пастернак, с другой стороны, сохранил свое влияние и до сих пор.

На мою прозу существенным образом повлиял и Бабель. Я впервые прочел Бабеля уже достаточно взрослым человеком и был потрясен его стилистическим совершенством. Это сыграло заметную роль в моем переходе к прозе, я понял, что можно в прозе оставаться поэтом. Это наивно звучит, но так это было тогда понято мной. В сущности, все же так оно и есть: Бабель — это поэт, писавший прозу. А что касается поэзии, то я бы так сказал — из поэтов XX века наделены высшей творческой силой следующие: Блок, Ахматова, Цветаева, Пастернак, Мандельштам, Маяковский и, может быть, Твардовский и Есенин.

► СТР 13

Фотограф: Владимир Суворов / Газета

РЕВЮ

«У нашего поколения была значительная духовная цель, притягивавшая к себе наши перья, как магнит, — я имею в виду борьбу с тоталитаризмом. Сейчас, я думаю, у молодых такой цели нет...»

Фазиль Искандер — Газете

“внутри свободы, если взглядеться в нее, можно найти формы несвободы”

Фазиль Искандер — Газете

Фазиль Искандер: «Зло прежде всего не в системе правления, а глубже, в самом человеке, в его душе» Фотограф: Федор Евгеньев/Газета

«01 СТР Ваши рассказы о Чике очень интересно отражают детский взгляд на мир. Как соотносится мир Чика с вашими воспоминаниями о детстве?

В цикле о Чике я, конечно, передал какие-то впечатления собственного детства. Но особым образом. Я передал впечатления в основном светлые. Мне хотелось написать светлую книгу, которая как-то придавала бы людям бодрости, любви, нежного отношения к детству. Более драматические впечатления детства я передал в другой книге — «Школьный вальс, или Энергия стыда». Там есть и аресты, и все прочее, что я видел, или чего я сам не наблюдал, но от чего пострадали мои близкие. А в книжке о Чике я хотел отразить лучшие детские дни — пусть иногда тревожные, но в целом меня тянуло написать книгу о детстве, если так можно выразиться, достаточно лучезарную. Так я ее и писал.

Во многих ваших книгах отражен конфликт государственной системы и национального бытия, воплощенного в вашем знаменитом Чегеме. Как вы считаете, существует ли этот конфликт сейчас?

Конечно, той невероятной жестокости, которая была в сталинские времена, мы никогда уже не увидим, я надеюсь. Тогда эта система врывалась в мирные дома, держала общество в аплондизментах тирану действительно отражали восторг, но это был восторг ужаса. Конфликт, однако, шире, он связан с особенностями Абхазии, это был, я бы сказал, конфликт между патриархальной жизнью и той жестокой цивилизацией, которая вошла в нее, — цивилизацией вообще. Сейчас этого уже нет, но в жизни народа много других нерешенных проблем, и дай Бог, чтобы они были решены мирным путем.

Некоторые из ваших рассказов и повестей экранизированы. Как вы оцениваете

эти фильмы? Как вы вообще относитесь к экранизациям?

Есть писатели, которые относятся к экранизации очень ревниво, переживают, что какие-то места текста не отражены. Я в этом отношении более спокойный человек. Ведь кино — это просто другое искусство, и никакая картина не может полностью вместить все, о чем говорит прозаик. Но так или иначе я многими картинами более или менее доволен. Особенно удачной мне кажется картина о Сталине, по рассказу «Пирры Вальтасара». Там все-таки создан достаточно крупный образ Сталина. И хотя там как будто бы нет никаких кровавых сцен, чувствуется, что это страшный человек. Мне эта картина показалась наиболее интересной из всех экранизаций моей прозы.

Что вы можете сказать о русской литературе нового поколения?

Работая в жюри некоторых премий, я видел, что есть интересные книги. Вообще же мне кажется, что новая действительность во многом разрушила прежнее представление о литературе, ту идею, что литература создается не ради денег. Слишком многие ушли, например, в жанр детектива, обратились к тому, что пользуется у неопытного читателя большим спросом. У нашего поколения была значительная духовная цель, притягивавшая к себе наши перья, как магнит, — я имею в виду борьбу с тоталитаризмом. Сейчас, я думаю, у молодых такой цели нет, а ведь внутри свободы, если взглядеться в нее, можно найти формы несвободы и с ними бороться — и так до бесконечности.

Кто вам наиболее близок из ваших ровесников, современников — тех, с кем вместе вы начинали или вообще как-либо творчески контактировали?

Ну мне многие были близки... Из критиков мне близки Бенедикт Сарнов и Станислав

Рассадин, я с ними просто по жизни был тесно связан. Замечательный прозаик, сейчас почему-то подзабытый и критикой, и издательствами, — Юрий Домбровский. Я бы хотел, чтобы его имя снова вспомнили. Два его великолепных романа — «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» — совершенно блистательные, в них он показывает свое время, пожалуй, как никто другой, и в обычных условиях, и в тюрьме.

Некоторые ваши вещи переводились на иностранные языки. Были ли у вас контакты с зарубежной аудиторией? Какие у вас остались впечатления?

Да, меня переводили на все европейские языки. Самая значительная из моих вещей, «Сандро из Чегема», впервые появилась в Америке, а также в Японии. Я встречался с моей шведской переводчицей, хотя потом, к сожалению, потерял ее адрес, перестал с ней переписываться. Шведы мне говорили, что переводы у нее блестящие. Знаю еще турецкого переводчика, он ко мне приходил. С остальными переводчиками мало встречался. Впечатления же от встречи с публикой за рубежом, я бы сказал, радостно-грустные. Так как на мои вечера приходили, видимо, в основном те, кто уехал отсюда, они встречали меня восторженно. Нехорошо, что я так говорю, но все же. Встречали меня замечательно и в Америке, и в Германии. Слушали внимательно, смеялись, на все реагировали тонко. Может быть, это все отчасти за счет ностальгии. Было такое впечатление, что мой читатель просто уехал за границу. Все это происходило, конечно, в основном после перестройки, когда я стал ездить, — лет пять, семь, десять назад.

Вы пишете на русском языке, но тем не менее в вашем творчестве все же находят отражение две культуры — и рус-

ская, и абхазская. Насколько для вас как для писателя существенна связь с абхазским языковым миром?

Конечно, знание абхазского быта и языка каким-то образом входит в мою русскую прозу. Например, в «Сандро из Чегема» есть часто повторяющиеся слова: «Эх, время, в котором стоим!» Конечно, русские так не говорят. Но я нарочно это ввел — это такое народное абхазское присловье, буквальный перевод с абхазского. Некоторые вещи происходят, может быть, совершенно незаметно, проследить за этим невозможно, потому что, когда я пишу, я, конечно, стремлюсь к тому, чтобы это по-русски было стройно и хорошо. Об абхазском в этот момент не думаю. Но что-то вливается в текст поневоле — я это сам чувствую, да мне и другие говорили. Сознательно я за этим никогда не следил.

В эссе «Поэты и цари» вы писали, что идеальное государство — такое, о существовании которого мы вспоминаем один раз в году при виде налогового уведомления. В России, однако, литература традиционно политизирована. Можно ли считать, что это ее недостаток?

Ну, один раз в году — это идеал, это метафора. Это был признак очень развитого государства, которого, в сущности, пока нигде нет. К нему приближаются в наибольшей степени, я думаю, скандинавы. Что же касается политизированности русской литературы, то ее политизация связана с более четким, ясным, конкретным выявлением добра и зла. Политизация, конечно, бывает разная: одно дело — политизированный писатель Стендаль, другое — очень скверные политизированные советские писатели, которые писали поверхностные вещи, стараясь угодить центральному комитету. Но если литература политизирована в высоком смысле, если она отражает борь-

бу добра со злом, то в этом я не вижу ничего плохого, хотя, конечно, в принципе литература должна отходить от политики, поскольку зло прежде всего не в системе правления, а глубже, в самом человеке, в его душе. Ею и надо прежде всего заниматься, как это делали Толстой и Достоевский.

Над чем вы сейчас работаете?

В области прозы у меня сейчас настоящей работы не происходит, я читаю, время от времени записываю какие-то мысли, образы, которые, может быть, в дальнейшем и пригодятся. А вот все стихи, которые я сейчас печатаю, — новые.

То есть в ближайшее время можно ожидать свежих стихотворных подборок? Да — пожалуй, скорее, чем прозы.

газета

тропую Козлотура

Фазиль Абдулович Искандер родился в 1929 году в Сухуми. В 1954 году окончил Литературный институт в Москве, в 1957 году выпустил первый поэтический сборник «Горные тропы». Первую большую славу Искандеру принесла повесть «Созвездие Козлотура», а другим хрестоматийным произведением и «визитной карточкой» писателя стал цикл новелл о жизни абхазской глубинки — «Сандро из Чегема». В 1979 участвовал в диссидентском альманахе «Метрополь». В восьмидесятых и девяностых появились две книги стихов и много прозы в самых разных жанрах, в том числе знаменитая философская сказка «Кролики и удавы», а также популярные рассказы о мальчике Чике.